

1. НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1.1. Онтология и теория познания. Логика

УДК 101.1

DOI: 10.21146/1606_6251_2023_1/2_78_91

А.А. Аргамакова

ЦЕННОСТЬ СУБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ

***Аннотация:** в статье изучаются формы субъективного знания (личностное знание, коллективные представления, свидетельства очевидцев, контекстная информация и персонализация) в сравнении с объективным (научным) знанием. Субъективное знание понимается в философии во множестве смыслов, не все из которых дискредитируют его когнитивную ценность. Субъективный опыт содержит потенциально ценную информацию, познание, рассмотренное в процессе, а не с точки зрения искомого результата. Субъективными могут оказаться как индивидуальное мнение, так и коллективное суждение без должной степени общезначимости и обоснованности. Социальная эпистемология способна объяснить, как субъективные и объективные элементы непротиворечиво сочетаются в научном познании, без подрыва рациональных основ нашего мышления. М. Полани считал, что личностное знание не устранимо из науки и образует фундаментальную основу абстрактного мышления. Сплав личностного и объективного происходит в каждом акте познания. Полани констатирует данный факт, до сих пор являющийся философской проблемой, на прояснение которой и направле-*

Аргамакова Александра Александровна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва).
E-mail: argamakova@gmail.com

но настоящее исследование, результаты которого говорят о том, что субъективное знание нельзя понимать исключительно в качестве произвольного искажения реальности.

Ключевые слова: субъективное знание, личностное знание, знание от свидетельств, коллективные суждения, виртуальная реальность, персонализация, социальная эпистемология.

Формулировка проблемы. Обычно мы верим в то, что познание стремится к объективности — наука, философия, прикладное знание. Объективное знание — и только оно — обладает настоящей ценностью.

Субъективным может быть искусство, потому что оно отражает неповторимый внутренний мир художника. Искусство — это способ виденья мира, который всегда субъективен, наполнен чувствами, личными переживаниями. Этим эмоциям и аффектам придана оригинальная форма, непривычно представляющая окружающие вещи и событийность. К тому же, художественная форма репрезентации привлекательна с эстетической точки зрения, даже когда дело касается негативного содержания.

Тем не менее, социальная эпистемология позволяет иначе понять эту проблему. Точнее — обычно и проблемы никакой нет. Наука ищет и находит объективную (или интерсубъективную) истину о мире, и по-другому не может происходить, исходя из целерациональной установки учёных. Почему сказанное не очевидно и какие возражения появляются в этой связи? Вопрос заключается в том, может ли субъективное знание быть интегрировано в научную картину мира. Если знание обладает ценностью в силу объективности, то какая ценность присуща знанию субъективному, которое соответственно искажает действительность?

К. Поппер считал, что субъективным является индивидуальное мнение или убеждение, на основании которого мы совершаем действия. В противоположность личному убеждению, научное знание должно быть объективным, общезначимым и рационально обоснованным [10]. Предположим, субъективное знание представляет собой потенциально ценную информацию, познание, рассмотренное в процессе, а не с точки зрения искомого результата (см. прим. 1). Попробуем найти ответ на вопрос о когнитивной ценности субъективного знания.

Соотношение субъективного и объективного знания. Объективность — безусловная эпистемическая ценность. Она является одним из важнейших свойств истинностного знания, которое говорит о его соответствии реальности, независимости от искажающих личностных влияний. Вне зависимости от философской позиции (реализм, антиреализм, репрезентатизм, трансцендентализм, концептуализм, конструктивизм, прагматизм, инструментализм и др.), объективность познания неизменно представляла собой регулятивный идеал для познающего субъекта. Но уже в философии Нового времени была показана хрупкость объективистского идеала, когда эмпиризм и рационализм, а затем и трансцендентализм, постулировали зависимость всего познания от субъективных репрезентаций.

В таком смысле любое знание является одновременно и субъективным, и объективным исключительно по причине опосредованности индивидуальными репрезентациями [5]. В XX веке начнут говорить о когнитивных структурах восприятия и лингвистической относительности. Вскоре социальные эпистемологи продемонстрируют, что опыт познающего субъекта социально нагружен и не отделим от коллективных форм жизни.

Например, по мнению Лорейн Дастон и Питера Галисона, объективность изобретается только в XIX веке, когда были разграничены неразличимые прежде понятия истины и объективности. Научная объективность изобретается вместе с арсеналом техник для сдерживания своеволия познающей самости. К таким техникам относятся: графические изображения, статистический вывод, численные методы, клинические испытания, самопишущие приборы, квантификация, формализация и другие объективирующие процедуры [1].

По словам Дастон и Галисона, «объективность была призвана к существованию для того, чтобы отрицать субъективность», поэтому «возникновению объективности должно соответствовать появление определенного типа своевольной самости, воспринимаемой как угроза научному знанию» [1, 81]. Дастон и Галисон соотносят условия получения объективного знания с эпистемологией добродетелей. Таким образом, объективность достигается через профессиональное обучение и приобщение к эпистемическим нормам.

В истории науки добродетели учёных изменялись до неузнаваемости. И вместе с добродетелями сменялись режимы объективности. Некоторые из режимов, такие как механическая объективность, накладывали ограничения на волю учёных и субъективные факторы, влияющие на результаты познания. Другие, наоборот, поощряли гений и конструирующее вмешательство в природу. Механическая объективность, по замечанию Дагстон, старалась упразднить идеализирующие проекции человеческого разума на природу. Она заставляла воспринимать рабочие объекты науки так, как они представлены в опыте, без «суждения о типичном и сущностном». В противоположность ей коммуитарная объективность последовательно уклонялась от субъективности, производной от индивидуального и частного, от узости взгляда и перспективы отдельного исследователя и научного коллектива [12]. Но в любом случае объективность зависела от самости, от исторически обусловленной личности исследователя, от практикующихся в сообществе учёных режимов репрезентации объектов.

Говоря совсем просто, объективность — это правильно настроенная на познание субъективность. Сознание человека в этом смысле сравнимо с научным прибором, фиксирующим состояния внешнего мира. Ему нужно сообщить корректные «параметры», чтобы при работе с входящими данными получались объективные репрезентации. Социум выступает как положительным, так и отрицательным фактором в данном случае.

Социологи знания Дэвид Блур и Барри Барнс предупреждали: в подходах философов социальные факторы традиционно понимаются как субъективизм и искажение истины. Социальные факторы познания по умолчанию приравниваются к субъективным и наделяются негативными коннотациями. Но они всего лишь указывают на автономный источник идей наряду с другими источниками (внешний физический мир, ментальные репрезентации) [13].

Социальные факторы познания — очень общая фраза. Она может относиться к общественным предрассудкам, например, таким, что женщины и рабы не могут принимать решения в демократиях; конвенциональным идеям, согласованным учёными (классификации объектов, системы обозначений, границы территорий или формы созвездий); диспозициям к действиям

(например, прогрессивное – поддержать, реакционное – осудить); социальным конструкциям, рождённым в коммуникативных практиках (нация, этнос, гендер); нормам исследования, присущим парадигме (созерцательная наука античности, экспериментальная парадигма Нового времени и т.д.); культурным символам, зависящим от коллективной памяти (архетипы) и многому другому. В соответствии с мыслью Блура, объективность и необходимость знания заключается в том, что оно является социально санкционированным, институализированным убеждением, не зависящим от индивидуальных ментальных образов и ощущений [13, 98]. Оно основывается на коллективно закреплённых, ритуализированных паттернах восприятия и понимания (как в примере с математическими объектами, символами и правилами счета) [13, 100].

Понять социальный контекст – значит лучше понять природу научных идей, меру обоснованности принятых утверждений, да и знания в целом. Социальная эпистемология способна прояснить, как субъективные и объективные элементы непротиворечиво сочетаются в научном познании, без подрыва каких-либо рациональных основ мышления.

Когда говорится о субъективном знании – какой смысл кроется за этим? Ведь субъективное знание требует более точного соотнесения не только с объективным, но и с социальным (коллективным) знанием. Можно привести ряд концепций, в рамках которых данный тип знания получает описание.

Концепция неявного, личностного знания М. Полани. Труды Майкла Полани – исток многих современных идей в рамках социальной теории науки (наряду с работами Людвиг Флека и Томаса Куна). Согласно взглядам Полани, наука – это не только система отвлечённого знания, выраженного в символическом языке. Значительная доля знаний, умений и навыков учёного не вербальна, т.е. неартикулирована в языке и частично не выразима средствами языка. Они приобретаются в практике и обучении научной профессии. Применение неявного знания зависит от таланта отдельного ученого. Далеко не каждый индивид способен к усвоению навыков, необходимых в научном труде.

Наконец, критерии знания находятся в познающем разуме человека. Человек поэтому – «мера всех вещей». Подсознатель-

ный уровень понимания науки является наиболее фундаментальным. Его содержание нельзя транслировать через систему символов-знаков. Это содержание приобретают исключительно в практической деятельности. Полани описывает разные практические способы усвоения знания: демонстрация, подражание, остенсивные определения, вживание, интуиция, метод проб и ошибок, знакомство с операциональными принципами языка и усвоение символических значений, интерпретативные техники и процедуры.

Следовательно, экспертное знание – это мастерство, которое передается неформально, а не в абстрактно-символической форме. Научное знание всегда практическое, а не только теоретическое. Его нельзя транслировать полноценно посредством абстрактных формализмов. Любое знание, по словам Полани, включает в себе «сплав личного и объективного». Как правило, субъективное контролируется в акте познания. Полани высказывает на данный счет следующее суждение: «Постижение не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно – ответственный акт, претендующий на всеобщность» [9, 19].

Субъективная убежденность формирует основу для любых научных положений. Интеллект не следует строго идеалу формализации, поэтому акт познания остается глубоко личностным, как употребление языка основывается на недискурсивных интеллектуальных способностях. Учёные смотрят на объекты науки в свете неформального знания, и, по убеждению Полани, «смысл формализма лежит в сфере периферического сознания, в рамках концептуального фокуса, удерживаемого посредством самого этого формализма» [9, 175].

К неизбежно субъективным компонентам познания среди прочего Полани относит: вероятностные оценки и суждения, основанные на субъективных вероятностях; ошибки и погрешности в статистических измерениях; индуктивные умозаключения от частного к общему; отбор данных учёными в свете эвристических ожиданий; игнорирование данных экспериментов исходя из принятых гипотез; поиск математических доказательств, являющийся в своей сути творческим актом.

Кроме сказанного, субъективные факторы определяют то, как выстраиваются взаимодействия внутри коллективов и сооб-

шесть учёных. А выстраиваются они на доверии и традициях, преданности и подчинении авторитету, т.е. на внутренних правилах и невидимых нитях личных взаимоотношений. Хотя, на наш взгляд, Полани недооценивает до конца возможности рационализации всего того, что имеет отношение к научному опыту (см. прим. 2), он предлагает подробную и убедительную концепцию субъективного (неявного) знания в науке, ставшую теперь классической.

Эпистемология «свидетельств очевидцев». Эпистемология свидетельств очевидцев (в англ. языке – epistemology of testimony knowledge) является ещё одним теоретически богатым ресурсом для понимания того, в какой виде субъективное знание присутствует и осмысливается в контексте научного познания.

Основной вопрос этой эпистемологии – как оценивать знание, полученное нами от других людей? Знание на основе свидетельства никак не подтверждено нашими личными восприятиями, опытом и прямыми наблюдениями. Следовательно, для его рациональной оценки нужны критерии надежности источника и эпистемологические принципы, на основании которых будет приниматься решение о достоверности чужих свидетельств.

Высказанное суждение, основанное на чужом опыте, с точки зрения реципиента является субъективным и личностным. Оно подвержено ошибкам и искажениям. Кроме ошибок восприятия и ошибок памяти, свидетельское знание подвержено ошибкам преднамеренного обмана, дезинформации, реинтерпретации, а также эффектам деформации под влиянием внешних условий и сопутствующих контекстов (внушение, давление, конформизм, эмоциональный аффект, наводящие вопросы, эффект постсобытийной информации, предвзятость и многое другое).

Реципиент может не иметь перцептивного доступа к фактам, которые описывает свидетель в своём сообщении. Любые описания остаются для него субъективной позицией, к которой он волен присоединиться. Даже когда оба говорят на одном языке, который неотделим от общего социального опыта, реципиент и коммуникатор часто имеют асимметричный доступ к фактам, которые получают описание в конкретной языковой ситуации. Кредулисты (от англ. – credulism) считают, что на чужие свидетельства допустимо полагаться слепо, если отсутствуют поводы

для сомнения. Скептики призывают не доверять тому, что не проверено собственным опытом и разумом [3, 12]. Язык общения не может быть субъективным и индивидуальным. Тем не менее, это не означает, что в нём нельзя выражать субъективный опыт или описывать такие факты, которые сложно сделать общезначимыми.

Критерии на практике могут оказаться как субъективными, так и объективными. Влияние на решение оказывает авторитет, которым наделяются эпистемические субъекты и сообщества [2]; доверие к эксперту и эпистемическое восхищение [7]; мнение большинства и групповые суждения [6: 19, 24]; оценки компетентности, полномочий и информированности у говорящего [6: 26, 29]; история коммуникации с эпистемическим субъектом [6, 32]; надежность источника сообщения [6, 31]; непротиворечивость информации и достигаемый с её помощью прогресс в понимании [6, 33; 8, 30-31]; мониторинг искренности коммуникатора [14, 68]; процедурные правила и социальные конвенции [14, 74]. В итоге, уместно процитировать Линду Загзебски: «я не считаю, что сколько-нибудь труднее поверить в нечто по предписанию (command), чем поверить в то, что мне сообщается простым человеком. Всё это зависит от обстоятельств» (см. прим. 3) [2, 93].

Как можно убедиться, чужое свидетельство не всегда индивидуально. Иной раз оно имеет своим источником коллективный субъект и удостоверяется им (свидетельство в этом случае понимается не редуционистски). Это придает свидетельству больший вес с точки зрения реципиента. Впрочем, не исключено, что оно будет оценено в качестве субъективного, например, политически ангажированного, либо мотивированного экономическими выгодами (например, свидетельства экспертов промышленных компаний о том, что хлорфторуглероды не разрушают озоновый слой). Субъективное в данном случае ассоциируется не с индивидуальным представлением, а с волюнтаризмом и искажениями реальности, производными от коллективного суждения и диспозиций говорящих.

Социальное (коллективное) знание (см. прим. 4) понимается как субъективное в силу отдельных его свойств, таких как изменчивость, локальность, относительность, историчность, а также в силу культурных слоёв и политических деформаций. Но

поскольку коллективное знание не зависит от индивидуальной воли и способно описывать факты, удостоверяемые из многих источников, его считают надличностным и по этой причине объективным. Коллективному знанию приписывают те или иные свойства в зависимости от ситуации его производства и использования.

Проблематика знания по свидетельству актуальна не только в контексте философии и, в частности, социальной эпистемологии, но также юридических наук и судебной практики, риторики, когнитивистики, психологии, политологии, религиоведческих и медиа-исследований.

Исследования виртуальной реальности. Глобальный интернет и виртуальная реальность предоставили новую возможность для осмысления субъективного знания благодаря погружению в персонализированные и индивидуальные пользовательские истории.

Несколько понятий рельефно отражают особенности субъективного опыта пользователя, приобретаемого в онлайн среде. Во-первых, избирательное потребление информации из ограниченного числа источников и социальных кругов ведёт к формированию эпистемических пузырей — когерентных потоков информации, соответствующих ожиданиям и убеждениям пользователя, где альтернативные точки зрения исключены и отсеяны заблаговременно. Эпистемические пузыри образуются естественным образом в «зоне комфорта» самого пользователя.

Во-вторых, в случае намеренного формирования потоков информации (через таргетированную рекламу, адресную демонстрацию контента, автоматические рекомендации, посты СМИ, заявления лидеров мнений, чат-боты и дискуссии в сообществах) создаётся эффект эхо-камеры, в которой высказанное мнение усиливается за счет повторения и обсуждения в разных источниках. В эхо-камере альтернативные точки зрения исключены и отсеяны намеренно. Отбор мнений проводится как политическая линия на уровне пользовательских сообществ и технических алгоритмов, через механизмы фильтрации данных, наделение лидеров авторитетом и дискредитацию нежелательных источников [15].

Персонализация и рекомендации релевантной информации работают не только в поисковых системах, индексирующих веб-сайты (которых известно ограниченное число), но также на сай-

тах объявлений, товаров и услуг, вакансий, поиска новостей, дейтинга и т.д. По многочисленным невидимым «следам» пользователя легко распознать в сети, и возможно настраивать поисковую выдачу под его жизненные, в т.ч. финансовые, ситуации.

С алгоритмами персонализации и фильтрации данных ассоциируют новые формы цензуры в сети, манипуляцию общественной информацией, внушение иллюзорных картин мира, слежку и преследование пользователей, новые способы насилия над личностью, недобросовестные форматы конкуренции, различные виды интернет-мошенничества, социальную инженерию и т.д. (см., напр.: [16] и [15]).

Потенциально информация с устройства и личный профиль пользователя доступны любым посторонним лицам из любой точки мира. Помимо адресных рекомендаций, пользователь интернета начнет чаще встречаться с контекстной информацией, таргетированной на внутренних, скрытый за экраном мир человека, или универсум его личных смыслов.

Заключение. Субъективное знание представляет собой индивидуальное мнение или коллективное суждение без достаточной степени общезначимости. Его отличает изменчивость и относительность, локальность и ситуативность, бездоказательность и оценочность, фрагментарность и произвольность. Субъективное знание допустимо понимать как в качестве личностного искажения реальности, так и наоборот, в качестве потенциально ценной информации, и такого рода знания, к которому субъект получил привилегированный доступ (в смысле знания-знакомства Б. Рассела или знания очевидца; а в крайнем случае – эзотеричных форм знания).

М. Полани считал личностным знанием неявные навыки и умения, эпистемологические принципы и интеллектуальные диспозиции, в частности не выразимые языковыми средствами и составляющие предпосылки для абстрактного мышления. Полани не исключал субъективное, неформальное знание из практики научного познания. И в некоторых смыслах его невозможно исключить из науки. Следовательно, положение и роль субъективного знания в контексте научного познания нуждаются в обстоятельном философском обосновании, равно как и алгоритмы персонализации и поиска информации в интернете, ко-

торые сравнительно недавно приобрели самостоятельное эпистемическое значение.

Контекстную информацию и субъективный опыт пользователя, составляющие его индивидуализированный виртуальный мир и пользовательскую историю, возможно отнести к разновидностям субъективного знания, наряду со знанием бессознательным, телесным, интуитивным, трансперсональным, интроспективным, художественным, обыденным, экзистенциальным и некоторыми другими примерами, которые описаны в философской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дастон Л., Галисон П.* Объективность / пер. с англ. Т. Вархотов, А. Писарев, С. Гавриленко. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2018. – 584 с.
2. *Загзебски Л.* Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 53. – № 3. – С. 93-107.
3. *Касавин И.Т.* Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. XXXV. – № 1. – С. 5-15.
4. *Касавин И.Т.* Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLVI. – № 4. – С. 5-18.
5. *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
6. *Лэски Д.* Дефляционистский подход к групповому сообщению // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXVI. – № 2. – С. 16-41.
7. *Маслов Д.К.* Эпистемическая автономия, авторитет и доверие: в защиту теории Л. Загзебски // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59. – № 3. – С. 134-148.
8. *Малфатти Ф.И.* О понимании и свидетельстве // KANT: SS&H. – 2022. – № 4(12). – С. 29-48.
9. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / под ред. В.А. Лекторского и В.И. Аршинова. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
10. *Понпер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / Пер. с англ. Д.Г. Лахути, Отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
11. *Прись И.Е.* Проблема ценности знания // Философия и культура. – 2017. – № 5. – С. 26-35.
12. *Шиповалова Л.В.* Научная объективность в исторической перспективе: дис. ... д. филос. наук. СПб., 2014. – 370 с.
13. *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1991. – 203 p.
14. *Gelfert A.* “Beyond the ‘Null Setting’: The Method of Cases in the Epistemology of Testimony”. Epistemology & Philosophy of Science. – 2019. – Vol. 56. – № 2. – Pp. 60-76.
15. *Nguyen C.T.* “Echo Chambers and Epistemic Bubbles (draft)”. Philpapers.org. 2018. [Electronic resource]. Open access: <https://philpapers.org/archive/NGUECA.pdf> (дата обращения: 24.03.2023)
16. *Watson J.C.* “Filter Bubbles and the Public Use of Reason. Applying Epistemology to the Newsfeed”. In: Scalabrino F. (ed.) Social Epistemology and Technology: Toward Public Self-Awareness Regarding Technological Mediation. – London and New York: Rowman and Littlefield International, 2016. – Pp. 47-57.

Примечания

1. См. идею о континууме эпистемических состояний [11] и паутине когнитивных установок [8]. «...полезно представить себе W как *структурированное множество* и представить его как пару $\langle B, R \rangle$, где B – множество информационных единиц, которым S доверяет, принимает или одобряет (назовем это *информационное измерение* сети S) и R – множество отношений между элементами B (назовем это *реляционным измерением* сети S). Элементы множества B будут самыми разными по своему характеру: они будут наблюдательными или теоретическими, автономными или принадлежащими теории, описательными или нормативными, оценочными, законоподобными, гипотетическими и т.д.» [8, 33].

Понимание – это приспособление утверждения к паутине когнитивных установок W . Согласно другому представлению [11], знание образует предельный случай в континууме эпистемических состояний, ранжированных согласно большей или меньшей стабильности, фактуальности и практической значимости. Любопытны параллели между данными описаниями и тем, как структурированы представления внутри эхо-камер как социально-эпистемических систем, распределяющих доверие между пользователями и источниками информации [15].

2. Чего стоят VR тренажеры и симуляторы, нейросети и приложения для персональных устройств, а также образовательный медиаконтент, находящие применение в обучении научной профессии и индоктринации.

3. Имеются в виду предписания или право приказывать, принадлежащие эпистемическому авторитету.

4. В редукционистских подходах аналитической социальной эпистемологии коллективное знание сводится к мнению индивидов, при суммировании которых получается общее суждение. Случаи распределённой информации показывают: носителям знания выступают индивиды, однако коллективное мнение не принадлежит какой-либо группе, за ним стоит мнение её отдельных участников или третьего лица [6]. Как утверждается в [4, 11], дисперсность как черта, которой наделено социальное знание, означает то, что индивид не обладает полной доступной социальной информацией. А значит, резонно различение нескольких форм коллективного субъекта в качестве носителей надличностного знания: трансцендентальный субъект, социокультурный (политический) субъект, укоренённый (воплощённый) субъект и распределённый субъект познания [4, 12-16]. По мнению И.Т. Касавина, индивид полностью зависит от общего социального опыта. Но во всяком случае, у социального (коллективного) знания остается автономия от частных индивидуальных мнений, как и наоборот. Для наглядности уместно сослаться на теорию трех миров К. Поппера: «...нам придётся революционизировать психологию, рассмотрев человеческий дух как орган, цель которого – взаимодействовать с объектами третьего мира: понимать их, вносить в них свой вклад, участвовать в них и побуждать их оказывать влияние на первый мир» [10, 156].

А.А. Аргамакова

THE VALUE OF SUBJECTIVE KNOWLEDGE

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow).
E-mail: argamakova@gmail.com

Abstract: *this article is dedicated to the various forms of subjective knowledge (personal knowledge, collective opinions, testimony of eyewitness, contextual information and personalization) in comparison with objective (scientific) cognition and worldview. Philosophers have been understood subjective experience in plural ways, not all of which discredit its cognitive value. Subjective knowledge contains potentially valuable information, and can be seen as the cognition in process, unlike its effective relief. The subjective does embrace either particular personal opinion or collective judgment without the sufficient degree of acceptance and justification. Social epistemology may explain how subjective and objective elements are bounded in scientific research, and why this did not lead to the downfall of our reason and rationality. M. Polanyi believed that personal knowledge is not reducible from science and produces the underlying background of abstract reasoning. Fusion of the personal and the objective takes place in every act of cognition. Polanyi stresses this fact – that has remained a philosophical problem so far. My research aims to clear up this kind of problem and asks for solutions. As the result, the subjective knowledge should not be misunderstood as only an arbitrary distortion of reality.*

Keywords: *subjective knowledge, personal knowledge, testimony of eyewitness, collective opinions, virtual reality, personalization, social epistemology.*

REFERENCES

1. *Daston L., Galison P.* Ob'yektivnost' / per. s angl. T. Varkhotov, A. Pisarev, S. Gavrilenko. – M.: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2018. – 584 s.
2. *Zagzebski L.* Epistemicheskiy avtoritet. Sovremennaya liberal'naya zashchita // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2017. – T. 53. – № 3. – S. 93-107.
3. *Kasavin I.T.* Istochniki znaniya: problema «testimonial knowledge» // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2017. – T. XXXV. – № 1. – S. 5-15.
4. *Kasavin I.T.* Kollektivnyy sub'yekt kak predmet epistemologicheskogo analiza // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2015. – T. XLVI. – № 4. – С. 5-18.
5. *Lektorskiy V.A.* Sub'yekt, ob'yekt, poznanie. – M.: Nauka, 1980. – 358 s.
6. *Lekki D.* Deflyatsionnitskiy podkhod k gruppovomu soobshcheniyu // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2012. – T. XXXVI. – № 2. – S. 16-41.
7. *Maslov D.K.* Epistemicheskaya avtonomiya, avtoritet i doveriye: v zashchitu teorii L. Zagzebski // Epistemologiya i filosofiya nauki. – 2022. – T. 59. – № 3. – S. 134-148.
8. *Malfatti F.I.* O ponimani i svidetel'stve // KANT: SS&H. – 2022. – № 4(12). – S. 29-48.
9. *Polani M.* Lichnostnoye znaniye. Na puti k postkriticheskoy filosofii / pod red. V.A. Lektorskogo i V.I. Arshinova. – M.: Progress, 1985. – 344 s.
10. *Popper K.R.* Ob'yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod / Per. s angl. D.G. Lakhuti, Otv. red. V.N. Sadovskiy. – M.: Editorial URSS, 2002. – 384 s.
11. *Pris' I.Ye.* Problema tsennosti znaniya // Filosofiya i kul'tura. – 2017. – № 5. – S. 26-35.

12. *Shipovalova L.V.* Nauchnaya ob'yektivnost' v istoricheskoy perspektive: dis. ... d. filos. nauk. SPb., 2014. – 370 s.
13. *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. – Chicago – London: The University of Chicago Press, 1991. – 203 p.
14. *Gelfert A.* “Beyond the ‘Null Setting’: The Method of Cases in the Epistemology of Testimony”. *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2019. – Vol. 56. – № 2. – Pp. 60-76.
15. *Nguyen C.T.* “Echo Chambers and Epistemic Bubbles (draft)”. *Philpapers.org*. 2018. [Electronic resource]. Open access: <https://philpapers.org/archive/NGUECA.pdf> (data obrashcheniya: 24.03.2023)
16. *Watson J.C.* “Filter Bubbles and the Public Use of Reason. Applying Epistemology to the Newsfeed”. In: *Scalambrino F.* (ed.) *Social Epistemology and Technology: Toward Public Self-Awareness Regarding Technological Mediation*. – London and New York: Rowman and Littlefield International, 2016. – Pp. 47-57.

Поступила в редакцию – 14.04.2023 г.